

ДОМ ТНЕВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ДАНА ДУБРОВИНА

18+

Дана Дубровина

Дом гнева

<https://litres.ru/74630504>

SelfPub; 2026

Аннотация

Шестьсот лет ведьмы и драконы истребляют друг друга в непрекращающихся войнах. Любые межвидовые союзы запрещены под страхом смерти в обеих странах. Но угроза нового врага, для которого даже смерть не является преградой, вынуждает семью Де Найт пойти на крайние меры.

Одилия Эшворт — редкая ведьма крови. Корвин Де Найт — дракон, которого народ ведьм зовёт Энверданским мясником. Их заставляют заключить запрещённый брак ради рождения ребёнка, способного вернуть драконам утраченную века назад магию. Ода ненавидит мужа за кровь ведьм на его руках. Корвин видит в жене врага, которому нельзя доверять.

В доме Де Найтов Ода оказывается одна среди враждебных драконов. Корвин молчит о своем чудовищном прошлом, а некроманты подбираются всё ближе.

Чтобы выжить, Оде придётся выяснить, кем на самом деле является её муж и какую цену придётся заплатить за тайну их брака.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	19
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Дана Дубровина

Дом гнева

Пролог

Ода

Вилльеран, Мидания (страна ведьм)

Дорога от крохотной городской библиотеки до дома лежала через руины южного квартала. После последнего драконьего налета ничего, кроме опаленных скелетов домов, не осталось. Дороги для повозок кое-как расчистили, но под ноги то и дело попадалась каменная крошка, которая с приходом осени и постоянных дождей стала невероятно скользкой.

Те немногие книги, что удалось собрать в библиотеке, теперь раздавали всем желающим из опасений, что новая атака на город может разрушить и ее. Часть из того, что там хранилось, могла пригодиться мне в академии, и я решила этим не пренебрегать. Сестра вызвалась помочь, невзирая на разболевшуюся от плохой погоды руку.

Сага редко жаловалась на боль, предпочитала прятать страшный ожог от драконьего огня под перчаткой и повторять, что ее это не беспокоит. А я в ответ предпочитала делать вид, что это не беспокоит меня. Из чистого уважения к сестре. Хотя сегодня и пришлось настоять на том, чтобы

она не перетруждала себя и не брала в руки больше четырех томов.

С низко нависшего серого неба уныло накрапывало. В мертвой тишине сожженного квартала раздавались только тихие, шаркающие звуки наших шагов.

— Постой, — окликнула я сестру, крепче впиваясь пальцами в стопку ветхих, пыльных книг.

Сага послушно замерла и принялась.

На первый взгляд будто ничего нового: пустой узкий переулок, пройдя сквозь который мы попадали напрямик домой, шорох острых капель дождя, запах мокрого камня, гари и... едва заметный, сладковатый аромат чужой, враждебной магии.

— Чувешь?

— Дракони́й флер.

Тонкая лента тянулась вниз по улице сквозь сожженный сквер в сторону нашего дома, и с каждым новым шагом становилось все очевиднее, что это не отголосок прошлой атаки. Нет. Запах свежий и удушливый, смешанный с запахом отцовской магии. И он ведет прямо на наш порог.

Дом выглядел как и обычно: никаких следов вторжения. У крыльца в горшках мирно отцветали мамины бархатцы. Только флер древней магии с примесью ведьмовской и заставлял с тревогой и страхом взлетать по ступенькам и распахивать входную дверь.

В коридоре, будто специально ожидая, замерла Руми —

наша экономка. Старое, исчерченное морщинами лицо болезненно белело на фоне черного домашнего платья.

— Что случилось? — сваливая стопку книг на узкую консоль, с волнением спросила я. — Мы почуяли...

— Вас ожидают в малой гостиной, мирье*, — безжизненным тоном прошелестела экономка.

— Но что...

Я хотела спросить, что происходит, но та в ответ лишь покачала головой, поджимая тонкие, невыразительные губы.

— Идите, прошу вас.

Сага сделала несмелый шаг вслед за мной, но Руми выставила перед ней руку, преграждая путь:

— Только Одилия.

Сердце предупредительно пропустило удар. По венам заструился холод, расходясь по всему телу вместе с волной мурашек. К чему вся эта таинственность?

Драконий запах, вопреки надеждам и мольбам, тянул меня в малую гостиную. Ненавязчивая сладость, чем ближе я подбиралась к комнате, становилась все более приторной и тяжелой. Вскоре на языке заиграла горечь и острота, словно я лизнула обугленное полено. Я отчаянно убеждала себя, что ошибаюсь: в нашем доме не могло быть драконов. Но заполнивший коридоры шлейф магии не оставлял надежд.

За дверью гостиной на диванчике сидели отец и мать. Их я заметила первыми, едва приоткрыв дверь трясущейся от напряжения рукой. Второй я с готовностью сжимала флакон

с кровью в кармане платья. На мощное заклинание, быть может, запасов и не хватит, но время, в случае чего, выиграть позволит.

— Наконец-то! Мы тебя заждались.

От миролюбивого тона мамы наружу едва не вырвался стон, полный облегчения. Она не выглядела раненой или напуганной: серые глаза лучились весельем. Да и отец рядом с ней казался вполне расслабленным. Он, положив ногу на ногу, медленно цедил чай из чашки и с интересом смотрел на собеседников напротив. При виде гостей у меня застонали кости. Глухой стук сердца о ребра мигом заложил уши. Я в ужасе попятилась к двери, больно врезаясь боком в острую латунную ручку.

— Что... что происходит?

Взгляд меня не обманывал. В нашей гостиной, на нашем диване сидела настоящая драконья чета. Сидела и миролюбиво потягивала чай из нашего сервиза с таким видом, будто не их народ всеми силами пытался сжить нас со свету последние шесть сотен лет.

— Это Ода, наша старшая дочь, — будто и не замечая моего оцепенения, представила мать. — Подойди же. Дай на тебя взглянуть.

Все это больше походило на горячечный бред. Драконы в нашем доме... Как у них хватило духу сюда заявиться? И зачем?

Рука крепче стиснула флакон в кармане. Точно в плохом

сне я, повинуясь приказу матери, сделала осторожный шаг. Высокая, как и полагается ее виду, драконица с золотыми, не по моде короткими волосами поднялась с места и принялась пристально рассматривать меня с такой надменностью, что внутри в ответ начало пузыриться раздражение.

— Неплохо. Для ведьмы весьма неплохо. Конечно, по нашим меркам худовата, но это поправимо. Как думаешь?

Она бросила взгляд на своего спутника — крепкого мужчину с темным ежиком волос, едва тронутым сединой на висках. Тот не удостоил меня и короткого взгляда, пристально глядя на родителей:

— Что насчет нашего языка?

— Она неплохо говорит по-риадански, — с готовностью ответил отец. — Уверен, на новом месте она быстро восполнит пробелы в знаниях.

Перед глазами медленно по часовой стрелке принялась вращаться комната. Голову закружило от острого запаха магии и той невероятной нелепицы, которую сейчас без стеснения обсуждали при мне. Хотелось закричать во все горло на родителей, заставить их опомниться. Ведь это же, Богиня помилуй, настоящие драконы! Те, кто убивает ведьм за сам факт существования. Те, кому не знакомо милосердие и любовь.

Пальцы впились в спинку кресла. Чтобы устоять на ногах, пришлось на нее навалиться.

— *Твои родители сказали, что ты навещала библиоте-*

ку, — женщина с золотыми волосами заговорила со мной на драконьем языке. — Любишь читать?

Первая мысль — выпалить ей в лицо, что дело тут вовсе не в любви к чтению, а в том, что их порода разрушает наш город и вынуждает раздавать книги, чтобы спасти хотя бы часть. Но отец, будто считывая на моем лице желание ответить грубостью, предостерегающе покачал головой.

— Я взяла книги для учебы. — Губы поджались в тонкую нить. Я и сама не верила, что вообще приходится использовать драконий язык по прямому назначению. — Хотела заранее подготовиться к началу семестра в академии.

— И на каком направлении ты учишься? — продолжила допытываться драконица.

— Целительство. Я только поступила.

— Очаровательно.

Прозвучало так, словно ничего очаровательного она в этом совсем не находила. Простая дежурная вежливость, снисходительно брошенная в лицо.

— У тебя довольно узкие бедра, — заметила вдруг она.

От неожиданности из груди вырвался возмущенный вздох. У меня что? Я покосилась на драконицу, не понимая, к чему вообще это замечание.

— Это может оказаться проблемой при родах. Нужно будет учесть.

— При... родах? — на последнем слове я едва не подавилась. — Да что происходит?

Исполинская тень угрожающе накрыла меня, стоило только драконице сократить между нами расстояние. Пришлось даже задрать голову, чтобы удержать зрительный контакт, когда она подошла слишком близко. Ее длинные, тонкие пальцы потянулись к моим волосам. От этого жеста захотелось увернуться, выставить магический щит или атаковать. Но отцовская воля сейчас, вопреки здравому смыслу, активно подавляла мою силу. Оставалось только покорно терпеть касания гостью и этот ее высокомерный, бездушный взгляд.

— *Наша семья остро нуждается в наследнике.* — Сладкое шипение драконицы заложило уши. — *Поэтому ты, если все сложится удачно, станешь частью дома Де Найтов и супругой моего сына Корвина.*

В горле заклокотал ужас, распирая стенки так, что становилось больно.

Корвин Де Найт. *Тот самый Корвин Де Найт.* Дракон, что в одиночку без жалости вырезал всех обитателей храма Матери Ночи в долине Энвердан. Родители хотят, чтобы я стала женой мясника. Не просто женой. Матерью его гнилого потомства...

Я крепко зажмурилась, пытаюсь совладать с накатывающей оглушительной волной паники.

— Так что скажете? — Спокойный голос отца пробивался к сознанию сквозь громкий гул.

Он не видел или не хотел видеть, как в подкатывающей панике начинает вибрировать мое тело, как трясутся губы,

а руки до белых костяшек сжимают спинку кресла. Говорил он так, словно я товар, который он желает поскорее всучить в руки привередливому покупателю.

— Может, из этого что-то и выйдет, — слышался сухой, глубокий голос дракона. — Нужно будет согласовать некоторые детали, но, думаю, мы договорились.

Драконица отпустила прядь моих волос и двинулась к матери. Прощание не затянулось: пара дежурных фраз, рукопожатие и холодные кивки напоследок.

Едва комната опустела, я тихо осела на диван и спрятала лицо в ладонях. Внутри клокотала злость, которой вторила обида и нарастающее чувство несправедливости. «Они не могли, — снова и снова крутилась в голове мысль. — Они не могли просто продать меня драконьему отродью. Что такого пообещали им Де Найты, что родители с такой легкостью согласились? Они не могли, не могли...»

Я не слышала тихих шагов Саги, не видела, как она просочилась в комнату. Только почувствовала, как ее хрупкие руки накрыли мои трясущиеся плечи в немом жесте поддержки.

— Что случилось? — шепнула она мне на ухо встревоженно.

Воздух все никак не желал пролезать в легкие: вдыхать получалось крохотными, отрывистыми клочками. От этого сердце пустилось в бешеную чечетку, гроыхая так яростно, что его шум наверняка могла слышать даже сестра.

Послышались шаги. В комнату тяжелой, неторопливой поступью вернулись отец и мать.

— Как вы могли? — бросила я, не поднимая головы.

Прозвучало жестко и зло. Голос, на удивление, не дрогнул, хоть я и чувствовала, как внутри трещит и разваливается на куски самообладание.

— Идет война. — Голос отца оказался лишен мягкости или понимания, — и драконы давно перестали быть основной угрозой для нашего вида. Некроманты захватывают все больше территорий, а у нас нет надежного оружия против их магии.

— О, так вы решили заключить мирный союз, — вырвалось наружу с желчью. — Который по счету?

— Одилия, — осадил мать с возмущением, — не смей разговаривать в таком тоне!

В любой другой день я бы одернула себя, упрятала подальше обиду и гнев, но сегодня... Сегодня для вежливости и учтивости внутри не осталось сил.

— Вы собираетесь подложить меня под энверданского мясника, — выкрикнула я, подскакивая с места, — того самого, что вырезал сотню ведьм за одну ночь и глазом не моргнув!

— Что?

С лица сестры осыпалась вся краска. На болезненно-белом полотне теперь отчетливо выделялись малиновые, трясущиеся от ужаса губы.

— Мать и отец хотят, чтобы я вышла замуж за Корвина Де Найта и родила ему наследника, — на выдохе выложила я Саге всю суть состоявшегося визита, а затем обернулась к родителям. — В их стране закончились фертильные драконницы?

Густые брови отца сошлись на переносице, а на щеках заиграли желваки. Мой пренебрежительный тон отзывался в нем нарастающим раздражением, которое чувствовалось теперь в воздухе приливом невидимой, плотной энергии.

— Все куда сложнее, — процедил он сквозь зубы, пытаясь сохранить остатки спокойствия. — Ты ведьма крови. Структуры нашей и драконьей магии довольно схожи. Есть основания полагать, что гибрид от такого союза сможет...

— Отрастить обратно чешую и крылья, — закончила я за отца, — чтобы, как двести лет назад, парить над нашими городами и сжигать их за один выдох.

Столетия непрекращающейся войны истощили драконов, заперли в человеческих телах и отрезали доступ к собственной магии. К счастью для ведьм, все их попытки вернуть утраченное до сих пор не увенчались успехом. Вот только они, похоже, отчаялись настолько, что решились на кощунственный союз со злейшим врагом. А славную миссию по возвращению драконьей силы возложить хотели на меня. От этой мысли колени принимались подгибаться в бессилии.

— А что будет с моей учебой в академии?

Отец пожал плечами.

— Мы уже подготовили письмо, в котором ты отказываешься от места на курсе.

Его слова чувствовались как беспощадный удар в спину. Я закусила губу и отвернулась к окну, за которым легкая морось давно переросла в настоящий дождь. К глазам предательски подступали слезы. Ведь это же они так рьяно настаивали на том, чтобы мы с сестрой получили достойное образование. Они заразили меня мечтой о поступлении и карьере целительницы, убеждая, что у меня настоящий дар. И теперь, когда это и вправду стало для меня важным, они решили вырвать с корнем надежду, словно эта мечта ничего и не стоила.

Интересно, собирались ли они вообще рассказывать о том, что свои вещи буквально вчера я с такой прилежностью упаковывала в чемоданы не для академии, а для драконьего логова?

Послышался несмелый всхлип. Но то были не мои слезы. Сага, комкая подол юбки обожженной рукой, тихо роняла слезы на темную ткань. Мать осторожно положила руку на ее щеку и стерла соленую дорожку большим пальцем, поднимая на меня глаза.

— Если для тебя так важна академия и ты будешь настаивать, у нас просто не останется иного выбора, — тяжелым, траурным тоном заявила она. — Придется Саге занять твоё место.

Сердце со страшной болью сжалось в груди и, кажется,

стало в один миг на три размера меньше.

— Вы не посмеете, — задохнувшись, прошептала я.

Как далеко они готовы были зайти ради того, чтобы я согласилась? Они любили Сагу, возможно, даже сильнее, чем меня — в чем их сложно было упрекнуть — и ни за что не рискнули бы поступить с ней так жестоко. Не после того, что она пережила.

От одного ее вида — крохотной, хрупкой пташки, прижимающей обезображенную ожогом руку к груди, — с обратной стороны ребер заскреблось отчаяние. Драконье пламя едва ее не погубило. Как я могла позволить столь незащитному созданию связать свою жизнь с беспощадной ящерицей?

— Если это и правда важно для тебя, — всхлипывая, зашептала сестра, — я смогу.

— Ты из ума выжила? — Я бросилась к ней в ноги, прижимаясь к трясущемуся в беззвучных рыданиях телу. — Поэтому, я смогу простить себя, если променяю сестру на академию? — Из глаз брызнули горячие слезы. — Какая же ты глупая.

— Я не хочу, чтобы ты пострадала. Он же убьет тебя, он тебя убьет! — Сага задыхалась, все крепче впиваясь мне в плечи дрожащими руками.

Слов, чтобы ее утешить, у меня не было. Только и оставалось снова и снова гладить ее по голове и молча скорбеть вместе с сестрой, напивая слезами ее блузку.

— Не говори глупостей, — фыркнула вдруг мать, нависая над нами. — Де Найты принесут кровавую клятву, что не причинят вреда ни Оде, ни нашей семье. Она будет в безопасности. Возможно, даже в большей, чем мы с вами.

Будто этих слов должно оказаться достаточно, чтобы принести облегчение. Но на поверку, если и соглашусь, меня будет ждать золотая клетка в тысячах лиг от дома под присмотром монстра, для которого жизнь ведьмы ничего не стоит.

Одна только мысль, что на моем месте окажется Сага...

— Так ты принимаешь предложение Де Найтов? — с напором спросил отец, скрещая руки на груди.

В ответ сорвалось беспомощное, покорное:

— Да.

**мирье (миданский) — молодая госпожа*

ТГК Дана пишет сказки
@danastales

Глава 1

Три недели спустя

Храм святого Илейна, нейтральная территория

Корсет туго сдавил талию и грудь, не позволяя как следует вздохнуть. Если драконицы и правда надевали подобные наряды на свадьбу и выдерживали до конца вечера, ни разу не упав в обморок, я могла лишь искренне позавидовать их силе воли.

Алый риаданский шелк нежно скользил по коже, перехватывал горло невысоким воротником, укрывал плечи и обнимал запястья. Он струился вниз по столбу позвоночника, осторожно касался ног и растекался длинным шлейфом по полу. Искусная вышивка золотой нитью, отличавшая наряды особ из знатных домов, плела узоры из папоротника и розовых кустов на рукавах и подоле. При иных обстоятельствах я бы никогда не смогла позволить себе такое.

— *Сносно. Очень даже. Наша одежда идет тебе куда больше. В ней ты хотя бы не выглядишь дурнушкой.*

Елена Де Найт заправила за ухо короткую золотую прядь и оглядела меня с ног до головы. Ее ядовитое «сносно» так и сквозило презрением, которое та не особо старательно пыталась скрывать.

Удивительным образом мать и сестра, стоящие по бокам от меня, сохраняли молчание и покорно глотали каждое

оскорбление, слетавшее с ее языка. Стоило бы поучиться у них смирению и выдержке, ведь собственное недовольство сдержать не получилось, и это, разумеется, не прошло мимо ее пристального взора.

— *Я сказала что-то не то?*

Я плотно сомкнула губы и усилием воли заставила себя покачать головой. Моего мнения никто не спрашивал ни когда принималось решение о проклятой помолвке, ни тем более сейчас, когда до церемонии оставалось не больше часа.

— *Хорошо,* — холодно улыбнулась Елена, сцепляя руки перед собой в замок. — *Умение держать язык за зубами — весьма полезный навык. Пойду сообщу жрецам, что мы готовы начать.*

Прежде чем выйти за дверь, она напоследок метнула в меня очередной придирчиво оценивающий взор. Будь тот копьем, пробил бы мне грудь насквозь.

— Анника, вы составите мне компанию? — обратилась она к матери на миданском, оглянувшись через плечо.

— Не вздумай натворить глупостей в наше отсутствие, — вместо напутствия бросила мне мать сквозь зубы.

Она взялась за подол простенького — особенно на фоне моего свадебного наряда — платья и торопливо, не скрывая раздражения, двинулась вслед за высокомерной драконицей.

От усердия, с каким я сжала кулаки, туго обхватившие запястья рукава угрожающе затрещали.

— Не бойся, я не сбегу, — напряженно бросила я в за-

крывающуюся дверь. — Вы же накрыли храм защитным куполом.

Та дотошность, с которой мать и отец подошли к подготовке церемонии, изводила до скрипа зубов. Оно и понятно: родители пребывали в полной уверенности, что я слишком ненадежна. И это, к собственному разочарованию, совсем не удивляло.

Келья, которую мне отвели, не отличалась богатством обстановки и навевала страх замкнутого пространства. Полу-сгнивший табурет, шаткий столик и неловко приставленное к стене зеркало в деревянной оправе, в котором отец заблаговременно подготовил портал для переброса прямиком в драконье поместье. Келья — одна из немногих комнат в храме святого Илейна, что чудом сохранились после налета дракона во времена четвертой межвидовой войны.

Место, где сотню лет назад в жарком пламени заживо сгорело три сотни магов, сложно назвать подходящим для заключения союза между ведьмой и драконом. И плевать, что руины храма стоят на ничейной земле. Сама идея обменяться клятвами именно здесь больше походила на издевательство над памятью предков.

— Мне правда очень-очень жаль.

Сага, сохранявшая все это время задумчивое молчание, негромко всхлипнула.

— Не плачь, — отрезала я жестче, чем самой хотелось, — не надо. Не стоит радовать драконов своими слезами.

Сестра согласно закивала в ответ, смахивая тканью бархатной перчатки соленую дорожку. Продолжать разговор я не решилась: одно неосторожное слово — и вся тщательно собранная в кулак уверенность рисковала мигом рассеяться, сменяясь паникой и собственными рыданиями.

— Нам пора идти, — уже мягче отозвалась я, набирая в грудь больше воздуха.

Весь путь до главного зала Сага крепко сжимала мою руку, боясь отпустить. Ее пальцы дрожали, и это волнение невольно передавалось и мне, простреливая короткими разрядами запястье и локоть.

С того самого дня, как Де Найты заявили на наш порог, мы с ней толком не говорили о том, что будет дальше, когда я принесу клятву верности у алтаря. Я не делилась с ней теми чувствами, что полосовали когтями душу все это время. Не хотела заставлять ее испытывать вину за то, что не позволила занять мое место. Я не говорила ей, как за долгими часами рутинных дел тщетно пыталась избавиться от острого чувства страха, то и дело прокалывающего иглой внутренние органы.

Мысли о том, каким будет мой будущий супруг, с каждым проклятым днем все глубже погружали в чувство отчаяния. О нем я знала не так уж и много: герой войны для одних, беспощадное чудовище для других. На чьей стороне была правда, оставалось только догадываться. И это ощущение неизвестности ежедневно дергало внутри тонкие струны, выби-

вая из равновесия невероятно мерзкой мелодией.

Точно я знала лишь то, что наш союз заключается в строжайшем секрете в присутствии самых доверенных людей. Ведь все прекрасно понимали, как к этому отнесутся сородичи, ненавидящие и презирующие друг друга вот уже сколько поколений подряд. Узнай кто об этом браке, нас бы судили или, того хуже, разорвали в клочья на этом же месте, не желая утруждать себя вопросами законности и морали.

Наш брак — насмешка над двумя народами. Непростительное преступление, на которое я без права выбора согласилась.

В главном зале вместо потолка зияла дыра, сквозь которую на нас смотрели звезды. Когда-то, судя по рассказам, центр храма венчал купол с великолепными витражами. Теперь же от былой роскоши на голом металлическом скелете потолка остались только блеклые, мутные осколки.

Впереди на руинах помоста меня ожидали.

Драконий жрец с суровым лицом, облаченный в расшитую драгоценными камнями красную накидку, плотно смыкал перед собой руки в кожаных перчатках и что-то тихо говорил стоящему неподалеку от него молодому мужчине.

Черноволосый и поразительно бледный, он напоминал нежный луч лунного света. Сам он был одет в строгий черный мундир с серебряным аксельбантом — отличительным знаком высших драконьих чинов. Широкая, искренняя улыбка мужчины казалась пугающе неподходящим украше-

нием сегодняшнего вечера. Будто его совсем не смущало ни настороженное лицо жреца рядом, ни повод, по которому мы здесь собрались.

Рядом с мужчиной высились две уже знакомые фигуры — Елены и Артура Де Найт. Прямые спины, вздернутые подбородки и лишенные жизни глаза. Они идеально дополняли друг друга: ледяные статуи с идеальными, фарфоровыми лицами. Как и мужчину рядом, их всецело поглотил разговор со жрецом.

По собственной глупости я едва не решила, что темно-волосый, улыбчивый мужчина и есть мой будущий супруг. Но стоило лишь подумать, что совсем не таким рисовало его мое воображение, как меня мигом окатило волной осознания — мой жених стоит у другого конца помоста. Стоит и смотрит прямо на меня своим непроницаемым, бездушным взглядом.

Золотые, чуть выющиеся волосы, ладно сложенная фигура в таком же черном мундире, плотно сомкнутые, сильные челюсти. Впечатляющим образом он сочетал в себе черты матери и отца в равных пропорциях. Одного взгляда оказалось достаточно, чтобы безошибочно признать их родство. Его лицо беспощадно резало своей красотой. Какой же жестокой была судьба, скрывая ужасное содержание в таком великолепном теле.

Так вот ты какой, Корвин Де Найт.

Сердце предупреждающе пропустило удар. Я едва замет-

но вздрогнула, замедляя шаг. Сага крепче стиснула мою руку и тихо шепнула:

— Я рядом.

Выдержки хватило только на то, чтобы кивнуть в ответ и, проглотив ком, вставший в горле, продолжить идти. Косточки корсета больно впивались в кожу, не позволяя как следует вдохнуть. Не хватало только шлепнуться без сознания перед ступеньками, не дойдя пару несчастных шагов. Шары теплого магического света очертили силуэты родителей и жрицы, выступивших из левого прохода. Как и полагалось, жрица скрыла лицо за непроницаемой вуалью, а тело спрятала под мантией песочного цвета. Обнаженными оставались только руки, покрытые сложной сетью татуировок.

— *Можем начинать.*

Голос жреца прокатился по полуразрушенному залу. Взоры присутствующих рухнули на меня и Сагу. То была странная и противоречивая смесь эмоций: от полного безразличия до откровенного, разъедающего кожу до кости презрения. Стоило ли удивляться, что самый ядовитый из них принадлежал моему будущему супругу?

— Дальше я сама, — тихо шепнула я Саге, усилием воли заставляя себя разомкнуть стянутые спазмом пальцы.

— Я люблю тебя, — прошептала она в ответ, отступая.

Подхватив несуразно длинный подол платья, на ватных ногах я двинулась к помосту. Наш союз нарушал все мыслимые традиции сразу обоих народов, и заключать его над-

лежало тем же кошунственным образом — сплетая воедино драконьи и ведьмовские обычаи. Потому и требовались жрецы с обеих сторон.

Непонятной оставалась лишь роль загадочного, улыбчивого дракона в черном мундире, который покорно спустился с помоста и занял место подле Де Найтов. Волна тепла окружила тело, едва рядом в напряженном молчании замер мой будущий супруг. И то было отнюдь не приятное, согревающее тепло. Напротив, оно словно пыталось вытеснить меня, угрожая вот-вот ошпарить.

По спине скатился озноб. Хотелось отшатнуться от него, слететь по ступенькам и опрометью броситься прочь. Неважно куда, неважно, каких усилий будет стоять пробить проклятый магический щит.

Вот только бежать теперь уже точно поздно...

— *Именем великой Триады — Астарога, Тираникса и Вультума — благословляю начало вашего пути.*

Меня передернуло. Перед глазами заалели знамена, с которых, разинув пасти, грозно взирали три гигантских ящера. Самый крупный из них, золотой Астарог, раскидывал огромные перепончатые крылья, зеленый Тираникс исторгал струю смертельного пламени, белый Вультум, предостерегающе прижав шипастую морду к земле, оглядывался. По рассказам солдат, появление этого знамени на поле боя многих приводило в неистовый ужас.

А теперь их именами меня благословляли на брак.

Жрец завел долгую речь на старориаданском, который я плохо понимала. Пока из его рта вырывались непонятные слова, больше похожие на змеиное шипение, я украдкой разглядывала молодого дракона, стоящего по правую руку. Высокий и крепкий, как и все его сородичи. Он на целую голову превосходил меня ростом, а еще от него так и веяло силой. Той самой загадочной, удушающей энергией, от которой становилось откровенно не по себе. Рядом с ним в сознание просачивались навязчивые, ужасающие мысли о том, с какой легкостью он мог бы переломить мне хребет при желании. И сколько хребтов он уже успел переломать за годы войны. Хотя драконье пламя почти угасло, то, что я ощущала сейчас кожей, поднимало из глубин души волну паники. А ведь это лишь отголоски былого могущества его народа.

— *Протяните же друг другу руки...*

Голос жреца рассеял наваждение и заставил невольно дрогнуть.

Рядом с раскрытой ладонью Корвина моя казалась игрушечной. От его ладони исходило все то же опасное тепло: прикоснуться к коже было попросту страшно. Вдруг и правда обожгусь.

Позади драконьего жреца из полумрака выплыла изящная фигура жрицы в песочной накидке. Она принялась едва слышно нашептывать древний заговор на укрепление духовного союза, вознося молитву к Матери Ночи. Миданский язык в сравнении с драконьим казался певучим и мягким,

лишенным режущих шипящих звуков. Плечи Корвина заметно напряглись, едва он слышал его.

Жрица выудила из складок летящего одеяния острый кинжал и резким росчерком оставила на наших раскрытых ладонях алую полосу, которая с каждой секундой становилась все заметнее. Я поморщилась, безупречное лицо Корвина осталось непроницаемым.

— Договор должно скреплять кровью, ибо она есть сама суть жизни.

Едва наши пальцы соприкоснулись, а ладони прижались друг к другу в вынужденном рукопожатии, послышалось тихое шипение. Ведьмовская и драконья кровь, смешиваясь, ядовито запузырилась. От пореза вверх по руке поползла горячая волна. Его ладонь жгла — терпимо, но прикасаться к ней дольше необходимого не хотелось.

Пока мы еще сохраняли контакт, а общая кровь все продолжала шипеть и пузыриться, драконий жрец сковал наши запястья тонкими обручами браслетов из чистого железа. Такие, судя по рассказам, в Риадане носили все супружеские пары. Кажется, я даже видела такой на руке Елены, мелькнувший ненароком среди других, из бриллиантов и золота.

— Поклянитесь, что не обратите свой гнев друг против друга, что не причините вреда и не нарушите обещание верности.

Жрица коснулась наших браслетов покрытыми татуировками пальцами.

— Клянусь.

— Клянусь.

Под пальцами вспыхнул и замерцал холодным светом металл.

— Ранить друг друга — значит ранить самого себя, предать друг друга — значит предать самих себя, ибо отныне и до конца дней ваша кровь едина.

Свечение угасло, а на том месте, до которого дотрагивались руки жрицы, отпечатались три древние руны — преданность, честь и защита.

Вот и все. Все кончено.

Едва мы расцепили руки, как на смену опаляющему жару пришла прохлада. Браслет продолжал крепко стискивать запястье, а порез досадливо пощипывало, но теперь хотя бы не было нужды прикасаться к чудовищу рядом. Жар, опаляющий щеки и кончик носа, закрался глубоко под кожу.

По окончании церемонии на зал навалилась мертвая, удушьящая тишина. Ни слов поздравления, ни радостных возгласов. Ничего, кроме молчаливой скорби. Понимание того, что произошло, медленно, шаг за шагом подбиралось к мозгу вместе с чувством неотвратимости и ужаса. Я стала женой дракона по законам обеих сторон. Теперь только смерть в силах разрушить этот союз.

Богиня, помилуй, что же мы наделали...

Я оглянулась на родителей и сестру. Выражение лица матери было отсутствующим, Сага едва сдерживала слезы,

плотно сжимая дрожащие губы. Отец же только удовлетворенно кивал. Разумеется. Ведь наш брак принес ему столько золота, что хватит на осуществление давней мечты — перебраться в столицу, подальше от линии фронта, и открыть свою клинику. К горлу подступила тошнота. В одно мгновение стало так дурно, что пришлось зажмуриться, лишь бы устоять на ногах. Первым тишину рискнул нарушить загадочный черноволосый дракон:

— Как интригующе! Наши церемонии могли бы стать куда интереснее, если бы мы позаимствовали кое-что от ведьм.

Артур Де Найт неодобрительно сверкнул льдисто-голубыми глазами на мужчину, но вслух предпочел ничего не говорить. Елена рядом с ним и вовсе, судя по виду, готова была исторгнуть пламя из приоткрывшегося рта.

— Конечно, не думаю, что вы тут же отправитесь праздновать это счастливейшее событие, — с лукавой улыбкой отозвался он, упрямо игнорируя потрескивающее напряжение, — так что, полагаю, теперь мы просто разойдемся с обещанием никому не рассказывать о случившемся и будем ждать наш... урожай.

От последнего слова лицо против воли перекосило в отращении, что не укрылось от его внимания.

— О, не стоит кривить свое дивное личико, дорогуша. В конце концов, ваш ребенок может стать вестником грядущих перемен.

— Сомнительная честь, — сорвалось с языка.

Я точно знала: за эту дерзость присутствующие готовы сожрать меня живьем. Но мужчина в ответ только тряхнул копной темных волос и беззлобно усмехнулся. Волны тепла, исходящие от новоиспеченного мужа, заметно окрепли и теперь негодуяще хлестали меня по открытым участкам кожи. Похоже, злость всего на мгновение сумела заглушить во мне чувство страха. Но вот оно вернулось, стоило только понять, что все условности соблюдены и задерживаться в храме дольше причин не осталось. Я должна уйти — последовать за чудовищем в его мрачное логово через портал в зеркале, в полную неизвестность.

Безрадостные мысли о том, что я окажусь пленницей в доме мужа, от которых все эти дни пыталась что есть сил отмахиваться, тяжелым саваном легли на плечи. Едва я взглянула на Сагу, которая молчаливо стирала слезы измятым платком, едва только подумала о том, как скажу ей разрывающее душу «прощай», как в воздухе что-то переменилось.

Чувство, трудно поддающееся объяснению, жестко царапнуло по коже. Будто незримая тень легла на присутствующих, закралась под подолы платьев, зацепилась за медные пуговицы мундиров, запуталась в волосах. Нечто гоняло по коже волны мурашек, кололо пальцы и сводило мышцы живота. Даже теплая осенняя ночь вмиг стала холоднее.

Не одна я ощущала это. Жрица за моей спиной зашуршала складками накидки и сбросила вуаль, обнажая белое, покрытое все теми же татуировками лицо. Жрец спустился с

помоста и принялся. Все присутствующие замерли в одно мгновение, позабыв о прощаниях.

— Чувствуете? — осторожно шепнул черноволосый дракон, но так, что его слышали все.

— Кто-то пытается пробить щит, — не скрывая звенящего волнения в голосе, ответил отец.

Прежде чем я успела ухватиться за эти слова и оценить весь масштаб бедствия, руины храма задрожали.

Зеленая вспышка.

Остатки стеклянного купола градом осколков полетели на наши головы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.